

— Господин Тун, — голос господина Ци, наполненный улыбкой, донесся до ушей Тун Сюя на ночном ветру. Улица была тиха, словно весь мир остался только для них двоих. — Я благодарен господину Туну за чуткость, но, право же, я мужчина ростом в семь чи. Если вы будете идти так медленно из-за заботы обо мне, то боюсь, к рассвету я так и не доберусь домой.

Тун Сюй взглянул на него. В сумерках ночи лицо господина Ци, озаренное луной, казалось прекрасным, а в глазах его, словно хранились все звезды неба, застыла едва уловимая улыбка.

— Господин Ци...

— Мы с тобой одного поколения. Раз уж ты искренне любишь театр, значит, ты мой друг. Зачем такая церемонность? Может быть, ты просто будешь звать меня по имени?

Глаза Тун Сюя загорелись:

— Тогда и ты можешь звать меня Асуй.

— Хорошо, Асуй, — господин Ци искренне улыбнулся. Эта улыбка была прекраснее всех, что видел Тун Сюй раньше, даже той, что он дарил командующему Суну. В ней была та редкая близость, которая мягко и точно задела что-то в сердце Тун Сюя. А затем, теплым и дружеским голосом, он снова вернулся к прежней теме. — Так что, Асуй, нам не нужно идти так медленно.

Ночь была прекрасна, ветер шевелил тени, листва шумела, пробуждая в Тун Сюе смятение. Оно kloкотало у него в горле и, преодолев слабое сопротивление, вырвалось наружу.

— Просто потому, что красавец, стоящий передо мной сегодня ночью, прекраснее луны в небе. Я не смог удержаться и хотел посмотреть на тебя подольше.

= =

— Младший господин, господин Тун пришел рано утром и ждет в главном зале.

— ...Хорошо, ступай.

Тело Ци Цунсюэ вновь удивило Хань Сю своей непривычной комфортностью. Например, эта ленивая привычка спать до полудня напоминала ему о далеком прошлом, когда он еще был жив. После семейной трагедии он хоть и впал в уныние, но последующая спокойная жизнь была такой же расслабленной.

Размышляя об этом, он услышал тихий голос Цин за дверью и невольно улыбнулся, вспоминая произошедшее несколько дней назад.

Тогда Тун Сюй, поборовшись с собой, сказал:

«Просто потому, что красавец, стоящий передо мной сегодня ночью, прекраснее луны в небе. Я не смог удержаться и хотел посмотреть на тебя подольше».

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба, оглушив и заставив потерять счет времени.

Такая дерзкая и внезапная откровенность даже для Хань Сю, повидавшего многое, была неожиданной. Он не знал, как реагировать.

К счастью, Тун Сюй тут же пожалел о сказанном, раздосадованный своей импульсивностью. Он

не заметил, что человек, к которому он так стремился, вовсе не был смущен или разгневан, а лишь поспешно заговорил:

— Я не... не это имел в виду... Я хотел сказать...

Его торопливые объяснения дали Хань Сю время собраться с мыслями. Он мягко рассмеялся и перехватил инициативу:

— Я понимаю, Асюй. Хотя и не ожидал, что ты так увлечен театром, но то, что моя Ду Линянь смогла так завладеть твоим сердцем, что ты даже спутал меня с ней, заставляет меня гордиться своей игрой.

Его прямой и искренний «перевод» помог Тун Сюю пережить неловкость, но в то же время вызвал у него еще большую горечь. Ведь он отлично понимал, что Ци Цунсюэ неверно истолковал его слова: он не был в трансе, принимая Ци Цунсюэ за Ду Линянь, он искренне любил самого Ци Цунсюэ. Однако он не знал, как это сказать, и лишь с горькой улыбкой принял версию Ци Цунсюэ.

Неловкость растворилась благодаря уклончивости Хань Сю, но огонь в сердце Тун Сюя не угас. Во время учебы в Германии, под влиянием местных нравов, он видел, как многие соученики образуют пары и занимаются тем, что обычно делают влюбленные. Хотя сначала это его удивило, со временем он привык к чувствам, не вписывающимся в общепринятые нормы. Он также точно знал, что к зарубежным друзьям не испытывал ничего подобного. Ему нравился только Ци Цунсюэ.

Осознав, что действительно влюбился в мужчину, он не колебался и начал часто навещать дом Ци. За короткое время он изучил там все пути, и благодаря незаметному содействию Хань Сю их отношения из «актер и поклонник» переросли в близкую дружбу.

Терпимость Хань Сю к Тун Сюю была мягкой и незаметной. Постепенно границы стирались. Сначала это было обращение на «ты», затем этикет при визитах, а теперь Тун Сюй мог приходиться без предупреждения, и даже прислуга знала, что младший господин искренне хочет дружить с господином Тун Сюем. Их отношения стали даже ближе, чем с третьим господином.

Хань Сю уже собирался встать, но вдруг передумал, снова лег на кровать и, закрыв лицо рукой, простонал:

— Не могу, у меня болит голова. Так что, Цин, ступай и скажи Асюю, что меня сегодня нет дома.

Цин замер:

— Но... — ведь ты уже заставил господина Туна ждать так долго, он точно знает, что ты дома и спишь...

— Ступай.

Голос Хань Сю стал строгим, и Цин, не смея возразить, поспешно вышел и передал:

— Господин Тун, наш младший господин сегодня занят, его нет дома.

Тун Сюй, держа чашку чая, замер и удивленно спросил:

— Разве ты не говорил, что он спит? Как это вдруг он оказался не дома? И тебе пришлось спросить, чтобы узнать, что его нет? — Внезапно его охватило беспокойство. — Не случилось ли чего?

Цин на мгновение заколебался, но, решив, что младший господин и господин Тун очень близки, да и ему не запрещали говорить правду, выложил всё как есть:

— Младший господин только что проснулся, и я слышал, как он смеется. Но потом вдруг всё стихло, и я услышал, как он довольно тяжело вздохнул и сказал, что у него болит голова. Наверное, он не хотел, чтобы вы волновались, и велел мне сказать, что его нет дома.

— Это же безрассудство! — Тун Сюй нахмурился. — Нет, я должен пойти проверить.

С этими словами он направился внутрь. Цин остался стоять, смутно глядя на его удаляющуюся спину, и начал что-то понимать.

= =

Тун Сюй быстрым шагом направился вглубь покоев. Раньше его уже приводили сюда, так что он знал дорогу. Однако, подбежав к закрытой двери, он заколебался.

Вдруг он ворвется так внезапно, а у Цунсюэ действительно что-то не так... Что тогда делать?

Прикусив губу, он все же решил, что беспокойство важнее. Даже если Цунсюэ потом станет держаться от него подальше, нельзя позволять ему болеть в одиночку. Он крикнул в дверь:

— Цунсюэ! Цунсюэ!

Ответа не последовало.

Он забеспокоился еще сильнее, прижался ухом к двери и услышал слабые, прерывистые стоны, перемежающиеся всхлипываниями. Голос был слегка хриплым, но в нем чувствовалась странная сладость.

Лицо Тун Сюя мгновенно покраснело. Неужели Цунсюэ... занимается... этим?

Эта мысль, словно дикий конь, вырвалась на свободу и понеслась вперед. С скоростью, позволяющей мгновенно анализировать конструкцию корабля, он быстро представил картину происходящего внутри: спокойное и чистое лицо, покрытое румянцем страсти, слезы на глазах от возбуждения, томный взгляд, устремленный в пустоту, алые губы, из которых вырываются соблазнительные стоны... И расстегнутый воротник, обнажающий грудь, а его белые нежные руки скользят вниз...

От одной этой мысли Тун Сюй готов был потерять контроль. В этой жизни его характер был подобен подводному вулкану: внешне спокойный и непостижимый, но внутри пылающий, готовый взорваться в любой момент. Ледяная кора была легко разбита несколькими стонами Хань Сю, которые вызвали у него неверные ассоциации, и пламя мгновенно охватило всё его тело. Уши пылали, пальцы, сжимающие дверь, побелели, и, кусая губу, он оказался в затруднительном положении.